

мв.л

1923.

ИСТОРИЯ „ИСТОРИИ ГОРОДА СКОПИНА“.

Изд. Рязан. Арх. Комиссии

(отд. отт. Труд. К. за 1911 г. вып. 1).

РЯЗАНЬ.

Типографія Братства св. Василия.

1911.

ИСТОРИЯ „ИСТОРИИ ГОРОДА СКОПИНА.“

Вмѣсто предисловія.

Въ началѣ 1911 года появилась на свѣтъ тоненькая брошюрка въ 25 стр. подъ заглавіемъ: „Исторія г. Скопина. Къ 300-лѣтнему юбилею Дома Романовыхъ. Составлена Настоятелемъ Скопинскаго Собора, на вакансіи Протоіерея, Священникомъ Симеономъ Яблоневымъ. 1911 года Января 24—дня.“

Всякій юбилей порождаетъ особую, юбилейную, литературу, а предстоящій—тѣмъ болѣе. Пишутся и появляются въ свѣтъ солидныя книги и изданія, но рядомъ рождается и самая настоящая макулатура, нерѣдко преслѣдующая свои особыя цѣли. Къ юбилейной литературѣ относится и вышеназванная „исторія г. Скопина,“ какъ-то и отмѣчается въ самомъ заглавіи. Можетъ быть тихо, мирно и почилъ бы эта „исторія,“ сослуживъ свою спеціальную юбилейную службу, если бы не слѣдующее обстоятельство, которое заставило обратить на нее особенное вниманіе.

Въ очередномъ собраніи Скопинской Городской Думы 7 февраля нынѣшняго года авторомъ исторіи Скопина было прочтено слѣдующее заявленіе: „Годъ тому назадъ, 19 февр. 1910 г. я опредѣленъ былъ въ г. Скопинъ на занимаемое мѣсто. Въ первое время... я употреблялъ усиліе узнать исторію г. Скопина, но, къ сожалѣнію, мнѣ пришлось слышать только легенды изъ 14 вѣка, (?), изъ которыхъ народная фантазія на разные лады рассказываетъ легендарныя времена (!) г. Скопина, доисторическія... Историческихъ разсказовъ объ основаніи города и первой древней исторіи г. Скопина не сохранилось въ памяти жителей“... Чрезъ мѣсяць, услышавши, что есть отпечатанная исторія г. Скопина Алексѣева, о. Яблоневъ добылъ ее, прочиталъ и „увидѣлъ, что это описаніе никакъ не можетъ быть названо исторіей, такъ какъ г. Алексѣевъ провелъ тамъ свои соображенія, а историческихъ документовъ въ описаніи не привелъ. Но изъ этого описанія, говоритъ о. Ябло-

невъ, я узналъ предположеніе что основателями г. Скопина были бояре Романовы, Александръ и Василій, и братъ ихъ (!) Иванъ Никитичи. Это важное предположеніе сильно возбудило мою любознательность.“ Далѣе авторъ описываетъ, съ какими трудностями онъ „ходилъ (?) по архивамъ, читалъ и выписывалъ“ историческіе документы о г. Скопинѣ. „Нужно помнить, поучаетъ авторъ, что историческіе документы—писцовыя книги, журналы консисторіи и бумаги Семинаріи за №№,—все это даютъ только основанія для написанія исторіи и вовсе не представляютъ подробную исторію. Выписи нужно было привести въ систему, согласовать (?) ихъ съ исторической хронологіей и *построить (!) шагъ за шагомъ исторію Скопина*. Оказалось, что г. Скопинъ съ нѣкоторыми сосѣдними селами, ѣйствительно былъ впервые заселенъ боярами Романовыми, Александромъ и Василиемъ; населенная ими вотчина быстро росла, *впрямую* потому, что къ добрымъ боярамъ отовсюду бѣжали крестьяне, спасаясь отъ притѣсненій жестокихъ (!) своихъ хозяевъ помѣщиковъ. Эта вотчина переходила, по наслѣдству, во владѣніе первыхъ царей изъ Дома Романовыхъ, что можно установить до царствованія Петра I. Но *дальше* слѣды исторіи г. Скопина, *со второй половины 17 столѣтія* (?), совершенно теряются“..... „Къ исторіи г. Скопина тѣсно примыкаетъ исторія Св. Духова Скопинскаго монастыря и въ историческихъ документахъ о г. Скопинѣ есть *намекы*, что монастырь былъ основанъ первыми царями изъ дома Романовыхъ тамъ, гдѣ была (?) домовая церковь Романовыхъ... *такъ какъ строеніе для монастыря указано какъ мірское т. е. боярское*, а указы первыхъ государей Романовыхъ, даже до Елизаветы Петровны включительно, *указываютъ*, что монастырь возникъ и возобновлялся волею царей..... Я *изслѣдовалъ (!)* старую монастырскую церковь и архивъ монастырскій и *можно построить историческое предположеніе*, что и сдѣлалъ, что около старой монастырской церкви погребены тѣла бояръ Александра и Василя Романовыхъ, а *можетъ быть (?)* и брата ихъ Ивана Никитича Романова. Это *важное дѣло*.“ Но и безъ этого предположенія достаточно, что Скопинъ былъ вотчиною Романовыхъ, продолжаетъ авторъ подходить къ цѣли, чтобы ко дню 300—лѣтняго юбилея обратить вниманіе Правительства на отношеніе исторіи г. Скопина къ исторіи Дома Романовыхъ.“ Далѣе авторъ сообщаетъ Думѣ, что написанную имъ исторію г. Скопина онъ, по стечаніи и провѣркѣ ученою Археологическою (?) Комиссіею историческихъ данныхъ

о г. Скопинѣ, приложивши одинъ экземпляръ, желаетъ возбудить предъ правительствомъ ходатайство на средства казны отнѣтитъ въ Скопинѣ, тѣмъ или другимъ способомъ, близкое отношеніе Скопина къ исторіи царствованія Романовыхъ.“ О. Яблоневъ затѣмъ указываетъ и способъ ходатайствованія. „Мнѣ нежелательно вести такое ходатайство *единолично*. Но я положилъ обратиться къ Думѣ: не пожелаетъ ли она избрать изъ представителей города Комиссію для совокупнаго *со мною* проведенія сказаннаго ходатайства до Высочайшаго Имени включительно.“

Выслушавъ прочтанныя о. Яблоневымъ извлеченія изъ его исторіи Скопина, Дума постановила: „поручить управѣ представить чрезъ г. Начальника Губерніи ходатайство: 1) о командированіи спеціалиста для провѣрки и сличенія съ архивными документами имѣющіяся историческія данныя, что г. Скопинъ съ окружающими селами былъ вотчиною царствующей нынѣ Династіи; 2) въ ознаменованіе 300-лѣтія царствованія Дома Романовыхъ на средства Правительства открыть въ Скопинѣ какое либо благотворительное учрежденіе и соорудить памятникъ.“

Лѣтомъ нынѣшняго года исторія Скопина о. Яблонева въ удовлетвореніе ходатайства Скопинской Думы была передана въ Архивную Комиссію для отзыва. Въ Архивной Комиссіи главный интересъ возбудили не столько документальныя данныя, что г. Скопинъ съ нѣкоторыми ближними селами былъ нѣкогда вотчиннымъ владѣніемъ бояръ Романовыхъ, сколько археологическія открытія, сдѣланныя о. Яблоневымъ и оповѣщенные въ его исторіи, что одинъ изъ Романовыхъ (Иванъ Никитичъ) погребенъ въ Скопинѣ (при Духовомъ мон.) и найдена могила его съ соотвѣствующею надписью, и другія открытія. Комиссія, во исполненіе возложеннаго на нее порученія, сосредоточила свое главное вниманіе на этихъ открытіяхъ. Они должны были придавать особую цѣнность произведенію о. Яблонева.

Что можно было сдѣлать, Комиссія сдѣлала, и результатомъ ея провѣрки былъ докладъ члена Комиссіи Н. П. Граціанскаго, сдѣланный въ очередномъ засѣданіи Комиссіи 21 Сентября, которому предшествовалъ докладъ Предсѣдателя С. Д. Яхонтова. И тотъ и другой доклады были съ соотвѣтствующимъ постановленіемъ Комиссіи сообщены по принадлежности.

Вотъ какимъ путемъ Архивная Комиссія занялась „исторіей г. Скопина“ о. Яблонева. А въ виду того, что оповѣщеніе о по-

ступленіи этой „исторіи“ въ печать появилось и въ нѣкоторыхъ журналахъ, напр. Русской Старинѣ, въ Рязанскихъ Епархіальныхъ вѣдомостяхъ въ видѣ библиографической замѣтки, и брошюра усиленно продается авторомъ, Архивная Комиссія признала необходимымъ ознакомить и другихъ любителей старины съ научною цѣнностью „построенной шагъ за шагомъ“ исторіи о Яблонева.

Предварительно считаемъ нужнымъ привести часть доклада г. Яхонтова въ засѣданіи Комиссіи 21 Сентября.

Изъ доклада Предсѣдателя Комиссіи въ собраніи „21“ сентября 1911 г.

„Немедленно же по полученіи брошюры о. Яблонева я бѣгло ознакомился съ ея содержаніемъ и въ недоумѣніи остановился на оригинальныхъ приемахъ изслѣдованія, а равно и на свободномъ обращеніи автора съ общеизвѣстными историческими фактами. Не разбирая изслѣдованія по существу, я невольно остановился на родословной Романовыхъ, какъ ее трактуеть о. Яблоневъ. Такъ: отца Филарета Никитича (патріарха) авторъ, „ничто же сумняся“, величаетъ вмѣсто Никиты Романовича—Никитою Феодорогичемъ; сестру Никиты Романовича, первую супругу Грознаго, Анастасію Романовну—величаетъ Анастасіей Никитичной (стр. 6).

О. Яблоневымъ устанавливается такая родословная Романовыхъ:

Родоначальникъ: Никита Феодоровичъ (Серебряный?!).

Александръ, Василій, Иванъ

Никита Ивановичъ

Феодоръ Никитичъ (Филаретъ)

Михаилъ Феодоровичъ (царь)

Зная, что 1) Александръ, Василій и Иванъ (ихъ было не 3, а 5 братьевъ)—братья Филарета, а не „предки его“;

2) Что Иванъ Никитичъ умеръ въ 1640 году;

3) Что Никита Ивановичъ умеръ въ 1656 году;

4) Что отца Филарета звали Никитою Романовичемъ,

я остановился въ недоумѣніи, какъ отнестись къ подобнымъ открытіямъ, которыми спутывается вся исторія Скопина и приводитъ къ противорѣчію самого автора. Авторъ, очевидно, плохо разбирается въ датахъ хронологическихъ.—Даже и этихъ замѣчаній было достаточно для меня, чтобы отнестись къ „изслѣдованію“ о. Яблонева осторожно и недоувѣрчиво. Но такъ какъ брошюра уже получила распространеніе за N коп. и имѣетъ специальное назначеніе въ виду предстоящаго 300-лѣтняго юбилея Царствующаго Дома, отъ котораго г. Скопинъ, на основаніи „изслѣдованія“ о. Яблонева, надѣется получить „особыя милости“,—то предать забвенію компилятивный „трудъ“ о. Яблонева,—какъ бы онъ того заслуживалъ,—невозможно. Приходится считаться главнымъ образомъ не вообще съ любопытными приѣмами Скопинскаго историка, а съ однимъ его новымъ открытіемъ, которое, по моему мнѣнію, придаетъ главный интересъ его брошюрѣ и которое особо могло бы обратить на г. Скопинъ Монаршее вниманіе.

На 15 стр. „Исторіи г. Скопина“ рассказывается, что о. Яблоневъ нашелъ въ св.-Духовомъ монастырѣ (около Скопина) надгробный камень съ надписью, которою устанавливается мѣсто погребенія Ивана Никитича Романова. Очевидно, это одинъ изъ братьевъ Романовыхъ, разкассированныхъ Годуновымъ,—дядя Михаила Феодоровича.—Можно бы только привѣтствовать такое цѣнное открытіе, но замѣченная мною генеологическая и хронологическая „неразбериха“ въ изслѣдованіи о. Яблонева невольно подсказывала скептическіе вопросы: какъ могло статься, что дядя царя, одинъ изъ „страдальцевъ“ Романовыхъ, упокоился и оставленъ гдѣ то въ степи, въ глухомъ Скопинскомъ „острожкѣ“, тогда какъ все Романовы мирно почіютъ, собранные въ древней царственной Москвѣ, въ любимомъ, почитаемомъ царями, Новоспасскомъ монастырѣ, гдѣ находится такъ благоговѣнно лелѣемая фамильная усыпальница Романовыхъ? За что одинъ изъ нихъ забытъ „на чужбинѣ“? Почему Ивана Никитича Романова благочестивые цари, его сродники, не перенесли въ усыпальницу Романовыхъ? Почему среди 70 гробницъ ихъ не нашлось мѣста Ивану Никитичу?

Эти вопросы сами собою приводили къ необходимости про-
вѣрки открытія о. Яблонева—въ Новоспасскомъ монастырѣ.

На пути съ Новгородскаго археологическаго съѣзда я по-
бывалъ въ Новоспасскомъ монастырѣ. Изъ бесѣды съ хорошо
знающимъ монахомъ и „исторіи Новоспасскаго монастыря“
И. Д. Дмитріева (1909 г.) я окончательно убѣдился въ основа-
тельности своего недоувѣрія.

Между прочимъ, на стран. 63 исторіи Новосп. мон. чита-
емъ: „въ нижнемъ этажѣ (Знаменскаго храма) въ Юго-восточномъ
углу въ особой палаткѣ, находятся 4 гробницы Романовыхъ, братьевъ
патріарха Филарета Никитича: Александра, Василія, Михаила и
Іоанна Никитичей..... надъ Іоанномъ Никитичемъ икона
св. Іоанна Кущника“.

На стран. 78: „Въ усыпальницѣ погребены бояре Романовы: ро-
доначальникъ ихъ Романъ Юрьевичъ, его сыновья: Никита.....
(перечень) и др., кромѣ братьевъ патріарха Филарета, погребен-
ныхъ въ усыпальницѣ подъ Знаменскимъ храмомъ“.

Въ приложеніи къ этой книгѣ есть выписка изъ „Кормовой
книги Новоспасскаго монастыря“: „о дняхъ кончины предковъ
дома Романовыхъ“. Здѣсь перечислены всѣ Романовы, погребен-
ные въ Новоспасскомъ монастырѣ. Въ числѣ ихъ и всѣ братья
Филарета, или дяди Царя Михаила.

„Лѣта 7114 (1606) марта въ 15 день погребень рабъ Божій
боляринъ Александръ Никитичъ Романовъ, а преставися въ зато-
ченіи отъ царя Бориса Кириллова монастыря въ вотчинѣ на
Лудѣ“ (стр. 11).

„Лѣта 7114 марта въ 18 день погребень рабъ Божій околь-
ничій Михаилъ Никитичъ Романовъ, преставися въ заточеніи
отъ царя Бориса въ Перми, у Николы Чудотворца въ Нырпу
на погостѣ“.

„Лѣта 7109 (1601) февруарія въ 15 день преставися рабъ
Божій Василій Никитичъ Романовъ; молитвенное ему имя Ники-
форъ, въ заточеніи отъ царя Бориса въ Сибирскомъ городѣ на
Пелымѣ“.

„Лѣта 7148 (1640) іюля въ 18 день преставися рабъ Божій
боляринъ Іоаннъ Никитичъ Романовъ-Юрьевъ“.

Итакъ:—кого же отыскивалъ о. Яблоневъ въ Духовомъ мо-
настырѣ?—

Послѣ этой справки я отказался понимать новое открытіе

его и невольно закрадывалось сомнѣніе въ доброкачественности его исторіи Скопина.

Поэтому я просилъ члена Комиссіи Н. П. Граціанскаго, какъ живущаго невдалекѣ отъ Скопина и уже ознакомившагося на мѣстѣ съ археологическими открытіями о Яблонева, дать обстоятельный отзывъ о своеобразномъ изслѣдованіи автора исторіи г. Скопина и сообщить свои провѣрочныя археологическія изысканія въ Духовомъ монастырѣ о могилѣ Романова и другихъ древностяхъ. Г. Граціанскій исполнилъ мою просьбу и представилъ въ Комиссію свой докладъ, изъ котораго Комиссія еще яснѣе увидитъ, съ чѣмъ и съ кѣмъ она имѣетъ дѣло*.

С. Яхонтовъ.

Разборъ Брошюры свящ. Яблонева „Исторія г. Скопина. Къ 300-лѣтнему юбилею Дома Романовыхъ“. Рязань. 1911.

Съ брошюрой свящ. Яблонева я познакомился совершенно случайно. Наскоро перелистовавши эту работу, я первое время вовсе и не думалъ заниматься детальнымъ ея разборомъ. Сама по себѣ брошюра такого вниманія не заслуживаетъ. Принадлежа къ разряду тѣхъ мимолетныхъ брошюръ, которыя тысячами рождаются и умираютъ въ одинъ день, она достойна только молчанія. Но вскорѣ, къ великому своему сожалѣнію, я убѣдился, что молчать въ данномъ случаѣ никоимъ образомъ не приходится. Причина этого обстоятельства—тотъ невообразимый шумъ, которымъ окружилъ авторъ изданіе своей работы. Смѣло провозгласивши г. Скопинъ мѣстомъ упокоенія бояръ Романовыхъ и удачно воспользовавшись приближающимся юбилеемъ 300-лѣтія Царствующаго Дома, авторъ „исторіи г. Скопина“ сумѣлъ придать своей работѣ, помимо чисто научнаго интереса, широкій интересъ общественнаго характера. Ни для кого не тайна, что о. Яблонецъ пытался и пытается, при посредствѣ Скопинской Городской Думы, довести о своей брошюрѣ до свѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ; мало того, онъ стремится лично представиться Государю, чтобы обстоятельно доложить Ему о своихъ изысканіяхъ. Конечная цѣль всего этого шума изъ ничего—извлеченіе чисто практическихъ выгодъ, при наличности благоприятнаго

момента. Сама по себѣ ничтожная и безвредная брошюрка грозить, такимъ образомъ, крупными непріятностями Скопинскому обществу. И если я берусь за перо, то единственно руководствуясь желаніемъ какъ можно скорѣе исполнить данное мнѣ Рязан. Уч. Арх. Комиссіей порученіе и тѣмъ самымъ предупредить родной городъ о грозящихъ ему непріятностяхъ.

Центральный пунктъ разсматриваемой брошюры — quasi — археологическія изысканія автора. Они то главнымъ образомъ и приковали къ себѣ вниманіе мѣстнаго общества. Все остальное содержаніе брошюры является, такъ сказать, рамкою или оправою для этихъ изысканій, помѣщенныхъ въ 7-мъ отдѣлѣ „исторіи“. Можно было бы разборомъ даннаго отдѣла и ограничиться. Однако я считаю болѣе удобнымъ разобрать брошюру цѣликомъ, въ порядкѣ систематическомъ. Только этимъ путемъ можно съ надлежащею полнотою уяснить себѣ всѣ приемы излѣдованія автора и вскрыть всю курьезность и нелѣпость его, по истинѣ удивительной, работы.

Брошюра, носящая громкое заглавіе „Исторія г. Скопина“, заключаетъ въ себѣ 23 страницы крупной печати, и раздѣляется на 9 коротенькихъ отдѣловъ. Отдѣлъ 1-й — *Легендарныя времена* — представляетъ изъ себя рабскую компиляцію соотвѣтствующихъ мѣстъ (стр. 8—10, 13—14, 20) работы Алексѣва „Историческое, статистическое и современное значеніе города Скопина“ (Скопинъ, 1868), причемъ ссылка на Алексѣва сдѣлана только одинъ разъ (въ самомъ началѣ), безъ указанія страницы. Это — изложеніе легендъ о пресловутой птицѣ Скопѣ, о могилѣ Аксая и о Прощониномъ колодцѣ. Компиляція выполнена въ высшей степени неумѣло, грубо и безграмотно. Авторъ цѣликомъ выписываетъ изъ Алексѣва отдѣльныя фразы, связываетъ ихъ кстати и не

кетати союзами, все время дѣйствуя вопреки предписаніямъ русской грамматики и русскаго синтаксиса. Въ результатѣ вся обаятельная красота народныхъ преданій исчезаетъ и получается какая то дѣтская мазня, чрезвычайно тяжелая и непріятная для чтенія. Потративши на это неблагодарное занятіе безъ малаго 2 страницы, авторъ переходитъ къ отдѣлу второму. — *Историческія Времена* (стр. 4—7), продолжая компилировать или, вѣрнѣе, копировать Алексѣева (ср. стр. 14—19). Здѣсь рассказывается, какъ „послѣ кровавыхъ сценъ, предшествовавшихъ междуцарствію [отъ 1533 до 1613 года съ воцаренія Іоанна Грознаго и до воцаренія Михаила Ѳеодоровича (sic!)] опальные бояре посылались по самымъ глухимъ и отдаленнымъ отъ Москвы краямъ, чтобы, черезъ размноженіе такихъ поселеній, увеличить число сторожевыхъ пунктовъ на югѣ и тѣмъ обезпечить себя отъ внезапныхъ нападеній враговъ во внутренніе предѣлы Московскаго царства“ (стр. 4—5). Эти то вотъ люди, которые хотѣли „обезпечить себя отъ внезапныхъ нападеній враговъ во внутренніе предѣлы Московскаго царства“, и построили укрѣпленіе „Острожокъ“ — основное ядро нашего города. Слѣдуетъ ссылка на Барановича, работу котораго авторъ, кетати сказать, никогда не видалъ, а просто процитировалъ ее по той же книжкѣ Алексѣева. Давши затѣмъ сказочную характеристику мѣстности, на которой возникъ „Острожокъ“, авторъ на время покидаетъ Алексѣева, и начинаетъ писать отъ собственнаго разумѣнія (стр. 5—6). Онъ повѣствуетъ намъ о „Никитѣ Ѳеодоровичѣ Романовѣ“, подъ которымъ, очевидно, слѣдуетъ разумѣть Никиту Романовича Юрьева Захарьина. Этотъ же „Никита Ѳеодоровичъ“ подъ перомъ нашего автора „переходитъ въ литературу“ и превращается въ „князя Серебрянаго“, а родная сестра боярина, вмѣсто Анастасіи Романовны, именуется Анастасіей Ни-

китичной. „Она была русскою царицею, заявляетъ авторъ, супругою Грознаго; онъ очень сильно любилъ ее и слушался ея и вліяніе Анастасіи Никитичной на Грознаго было очень благодѣтельно—при ея жизни Іоаннъ IV-й не былъ Грознымъ, но былъ—умнымъ, дѣятельнымъ и энергичнымъ“ (стр. 6) Сочинивши затѣмъ цѣлую исторію объ основаніи бояриномъ Никитою Θεодоровичемъ (читай: Романовичемъ) городка Романова (мѣстоположеніе и время основанія котораго, кстати сказать, указано невѣрно), а Александромъ и Василиемъ Никитичами—Острожка—Скопина, авторъ окончательно запутывается въ своихъ хитросплетеніяхъ и безпомощно заявляетъ, что „ему неизвѣстно, умеръ ли Никита Θεодоровичъ своею смертію или онъ былъ убитъ Грознымъ или Годуновымъ“. Мы охотно придемъ въ данномъ случаѣ на помощь о. Яблоневу, отославши его къ 252 стр. VII т. „Исторіи Россіи“ Соловьева, гдѣ сказано, что Никита Романовичъ Юрьевъ-Захарьинъ—скончался въ 1586 г. естественной смертію, хотя и ходили ни на чемъ неоснованные слухи объ отравленіи его Годуновымъ. Далѣе, нашимъ авторомъ сочиняется, что бояринъ Иванъ Никитичъ Романовъ принужденъ былъ спастись отъ подосланныхъ къ нему Годуновымъ убійцъ, и спастись именно въ Острожокъ—вотчину своихъ братьевъ, „гдѣ и нашелъ покой костямъ своимъ“. „Эта исторія, говоритъ о. Яблоневъ, видна изъ слѣдующихъ документовъ“. Приводится всего лишь одинъ безграмотно списанный у Алексѣева, (стр. 17—18) документъ, изъ котораго видно только то, что „Острожокъ и съ уѣздомъ“ принадлежалъ боярамъ Александру, Василию и Ивану Никитичамъ Романовымъ. Это—императорскій указъ отъ 1754 года, повелѣвающий „требовать отъ Воронежской губернской канцеляріи... всей Скопинской волости окружной межевой земле выписи“.

Приступая затѣмъ къ 3-й части своей работы (стр.

8—9), — *Размѣръ г. Скопина 300 л. назадъ до 1600 г.*, авторъ громогласно заявляетъ, что „по справкѣ въ ряжскихъ писцовыхъ книгахъ,“ онъ „извлекъ историческія указанія о размѣрахъ „Острожка“ Скопинскаго и указанія другихъ владѣній: сель и деревень, входившихъ въ вотчину Ивана Никитича Романова“. Какъ видимъ, на смѣну Алексѣева выступаютъ рукописи, слѣдовательно, матеріаль архивный. Авторъ, повидимому, вступаетъ на твердую дорогу и, какъ настоящій историкъ, облекается во всеоружіе научнаго анализа. Какъ и слѣдовало ожидать, онъ начинаетъ съ характеристики того источника, которымъ пользуется въ дальнѣйшемъ изложеніи, именно, списка съ ряжскихъ писцовыхъ книгъ, письма и мѣры Григорія Кирѣевского. Здѣсь мы наталкиваемся на неожиданное открытіе. „Скопинъ, говоритъ авторъ, подъ настоящимъ его именемъ, въ качествѣ городка—Острожка, упоминается въ спискѣ съ Ряжскихъ писцовыхъ книгъ письма и мѣры Григорія Кирѣевского въ 137, 138 и 139 годахъ эти годы равняются 1629, 1630 и 1631-му, такъ какъ Кирѣевскимъ описана русская исторія въ Ряжскихъ писцовыхъ книгахъ, начиная съ 1492 года (списокъ съ писцовыхъ книгъ съ Ряжскихъ письма и мѣры Григорія Кирѣевского съ товарищи, л. 1-й)*. Такимъ образомъ, оказывается, что Ряжскія писцовыя книги—это не что иное, какъ лѣтопись, т. е. погодная запись событій, начиная съ 1492 года. Положительно приходишь въ ужасъ отъ такого опредѣленія. И невольно возникаетъ вопросъ, какъ же это о. Яблоневъ, старательно изучившій ряжскія писцовыя книги и „извлекшій“ изъ нихъ обильныя „историческія указанія“, принялъ данныя книги за лѣтопись? Вопросъ разрѣшается чрезвычайно просто. Авторъ, конечно, и въ глаза не видалъ какихъ либо пи-

*) Курсивъ нашъ, а орфографія автора.

сцовыхъ книгъ, а тѣмъ болѣе ряжскихъ. Онъ узналъ о ихъ существованіи изъ „Историко-статистическаго описанія церквей и монастырей Рязанской епархіи“ Добролюбова (т. II, Рязань, 1885)—работы, которая теперь играетъ для нашего автора ту же самую роль, которую ранѣе играла работа Алексѣева. Между прочимъ, у Добролюбова (стр. 144) сказано, что 137-й годъ Кирѣевского равняется 1629-му году нашего лѣтосчисленія. Почему это такъ, Добролюбовъ не объясняетъ. Желая пополнить пробѣлы послѣдняго, о. Яблонева разрѣшилъ данную задачу чрезвычайно своеобразно. Для него не было никакого сомнѣнія въ томъ, что у Кирѣевского ведется какое то особое лѣтосчисленіе. И если 137-й годъ этого лѣтосчисленія падаетъ на годъ 1629-й, то 1-й годъ придется на 1492-й г. ($1629 - 137 = 1492$). Отсюда о. Яблоневъ сдѣлалъ остроумный выводъ, что Кирѣевскій писалъ нѣчто похожее на лѣтопись. Начавши эту лѣтопись съ 1492 г., онъ повелъ особое лѣтосчисленіе, 137-й годъ котораго въ сущности является 137-мъ отъ 1492 г., т. е. отъ самого начала лѣтописи. Говоря проще, получилось „описаніе русской исторіи съ 1492 г.“, описаніе, почему то названное писцовыми книгами. Соображеніе, какъ видимъ, въ высшей степени тонкое и глубокомысленное. Но, дѣлая честь мыслительнымъ способностямъ нашего автора, оно съ безпощадной откровенностью обнажаетъ отсутствіе у него самыхъ элементарныхъ познаній въ области русской исторіи. О. Яблонева сбиль съ толку предательскій обычай Кирѣевского опускать въ началѣ своего лѣтосчисленія цифру 7, знаменующую собою, какъ это всякому извѣстно, 7000 лѣтъ отъ сотворенія міра.

Авторъ и въ дальнѣйшемъ всячески старается провести своихъ читателей. Не упоминая совсѣмъ о Добролюбовѣ, онъ усиленно цитируетъ рукописи, названныя

въ капитальной работѣ послѣдняго. Опять таки и здѣсь дѣло не обошлось безъ курьеза. Мы уже видѣли, что о. Яблонева цитируетъ „списокъ съ писцовыхъ книгъ съ Рясскихъ писъма и мѣры Григорія Кирѣевского съ товарищи, л. 1-й“. Нѣсколько ниже онъ ссылается на „рукопись, хранящуюся въ библіотекѣ Ряз. семинаріи, № 51-й“. А, между тѣмъ, обѣ эти цитаты относятся къ одному и тому же памятнику. Первая цитата характеризуетъ самый памятникъ, вторая указываетъ мѣсто, гдѣ этотъ памятникъ сохраняется. О. Яблонева, какъ видимъ, перехитрилъ, раздѣливши текстомъ двѣ цитаты, поставленныя у Добролюбова вмѣстѣ. Въ результатѣ одна рукопись превратилась у него въ двѣ—новое доказательство скудости историческихъ познаній нашего автора.

Повторяю, что 3-й отдѣлъ брошюры о. Яблонева цѣликомъ скомпилированъ съ работы Добролюбова (II, 144—155), хотя ссылокъ на эту работу въ данномъ отдѣлѣ и не встрѣчается. Компиляція опять таки получилась грубая и неряшливая. Положительно становится стыдно за автора, когда онъ, описывая „размѣръ г. Острожка 300 л. назадъ“, безцеремонно искажаетъ языкъ древнихъ памятниковъ, приведенныхъ у Добролюбова. Я уже не говорю о соблюденіи орѳографіи подлинника. О. Яблонева вообще не склоненъ признавать какую бы то ни было орѳографію. Встрѣчается цѣлый рядъ искаженій еще болѣе непростительныхъ. Такъ, вмѣсто выраженія „пашутъ хлѣбъ“, о. Яблонева ставитъ „пашутъ землю“ (повидимому выраженіе „пашутъ хлѣбъ“ кажется автору предосудительнымъ), вмѣсто 90 дв., у него получается 92 дв. *), вмѣсто 8 дв., 80 и т. п.

Переходимъ къ 4-му отдѣлу брошюры, озаглавленному такъ: *Села и другія владѣнія, входившія въ вотчину Рома-*

*) Слово при 90 „дв.“—онъ читаетъ два, и вышло изъ 90—92 двора.

зумно умалчиваетъ. „Чѣмъ же объяснить, спрашиваетъ онъ далѣе, такое благоволеніе къ монастырю Государей?“ „Вѣроятно здѣсь, отвѣчаетъ нашъ авторъ на свой собственный вопросъ, около монастырскихъ храмовъ, или подъ ними, были погребены кости прадедовъ (sic!) царствующаго Дома—Александра, Василія и Ивана Никитичей Романовыхъ“. *) „Дѣйствительно, продолжаетъ онъ далѣе, нынѣ еще существуетъ въ монастырѣ маленькая, древней архитектуры, церковь во имя Владимірской Божіей Матери, эту церковь народная молва называетъ „домовою церковью бояръ Романовыхъ“, около нея указываютъ продолговатый надгробный камень и на немъ, будто бы, прочивываютъ фамилію бояръ Романовыхъ“. **) Авторъ беретъ на себя почтенную задачу лично провѣрить эти народные слухи, и вотъ какъ справляется онъ со своею задачею: „Я на мѣстѣ, говоритъ онъ, изслѣдовалъ этотъ надгробный камень—саркофагъ: у восточной стороны Владимірской церкви есть камень, вынутый въ 1910 году лѣтомъ изъ земли, до сего времени только верхняя часть его виднѣлась, а весь камень отъ времени уже былъ углубленъ въ землю, работа тесаныхъ украшеній на камнѣ совершенно старыхъ вѣковъ, на камнѣ сохранилась надпись: „подъ симъ камнемъ погребено тѣло 3 слова не разберешь (боярина Ивана Никитича) „Романова“ это слово написано ясно. Съ другой стороны камня надпись не разберешь, а съ южной стороны камня гербъ“. ***) „Во всякомъ случаѣ, заканчиваетъ о. Яблоневъ, къ 300 лѣтнему юбилею Дома Романовыхъ необходимо и важно отыскать съ большею точностью, гдѣ въ г. Скопинѣ погребены тѣла Александра, Василія и Ивана Никитичей Романовыхъ, прадедовъ (?) Михаила Θεодоровича и основателей (!)

*) Курсивъ нашъ.

**) Соблюдаю орфографію автора.

***) Курсивъ и орфографія автора.

Острожка—Скопина, для чего просить подлежащія власти прислать сюда свѣдущихъ археологовъ“ *) (стр. 15).

Едва ли поздоровится о. Яблонеvu отъ „свѣдущихъ археологовъ“. Даже люди, несвѣдущіе въ археологіи, врядъ ли ему повѣрятъ. Многимъ, я думаю, не безызвѣстно, что дѣти Никиты Романовича Юрьева Захарыина—Ѳеодоръ (Филаретъ), Александръ, Михаилъ, Василій и Иванъ Никитичи—при Годуновѣ были сосланы въ заточеніе. **) Ссылку удалось пережить лишь Ѳеодору (Филарету) и Ивану Никитичамъ Романовымъ, а остальные три брата скончались въ изгнаніи. Слѣдовательно, искать въ г. Скопинѣ могилъ Александра, Михаила или Василя Никитичей (которые, кстати сказать, приходятся вовсе не прадѣдами, а дядями Государю Михаилу Ѳеодоровичу)—занятіе бесплодное. Не могъ „найти здѣсь покой костямъ своимъ“ и Иванъ Никитичъ Романовъ (не говоря уже о Филаретѣ), такъ какъ Иванъ Никитичъ скончался въ Москвѣ, около 1640 года (Ср. „Исторію Россіи“ Соловьева, т. VIII, стр. 71—77). Наконецъ, изъ Карамзина мы знаемъ, что всѣ перечисленные бояре погребены въ Новоспасскомъ Московскомъ монастырѣ, („Исторія Государства Россійскаго, т. VII. Примѣчанія), а вовсе не въ Скопинскомъ Св. Духовомъ, какъ полагаетъ нашъ авторъ. Такимъ образомъ, уже а priori можно сказать, что разслѣдованія о. Яблонева основаны на недоразумѣніи, каковыя недоразумѣнія мы и ранѣе насчитывали въ его брошюрѣ десятками. Тѣмъ не менѣе, я счелъ своимъ долгомъ дважды посѣтить Скопинскій Св. Духовъ монастырь, чтобы провѣрить открытія автора на мѣстѣ. Въ первую поѣздку меня сопровождалъ братъ мой С. П. Гра-

*) Курсивъ автора.

**) Ѳеодоръ (Филаретъ)—въ Антоніевъ Сійскій монастырь; Александръ—къ Бѣлому морю, въ Усолъе—Луду; Михаилъ—въ Пермь, въ Ныробскую область; Василій—въ Яренскъ, потомъ въ Целымъ, къ брату—Ивану Никитичу.

ціанскій и И. В. Борисовъ, участвовавшій въ комисіи отъ Скопинской Городской Думы для провѣрки археологическихъ изслѣдованій о. Яблонева. Съ любезнаго разрѣшенія о. Настоятеля *) монастыря, мы тщательно осмотрѣли заинтересовавшій нашего автора камень, и пришли къ слѣдующимъ результатамъ, подтвердившимся при моей вторичной поѣздкѣ.

Прежде всего, „совершенная древность“ камня подлежитъ большому сомнѣнію. Судя по внѣшнему его виду, по тѣмъ изображеніямъ, которыя имѣются на немъ, наконецъ, по характеру начертанія буквъ (типично русскихъ, а не славянскихъ), камень можетъ быть отнесенъ ко второй половинѣ XVІІІ ст. Вырѣзанная на южной и сѣверной сторонѣ камня надпись сильно попорчена, можетъ быть, лопатами (при извлеченіи камня изъ земли), а, можетъ быть, проѣзжавшими мимо повозками. Вотъ почему прочесть эту надпись цѣликомъ невозможно. Ее можно возстановить только съ очень большими пробѣлами. Послѣ долгихъ усилій намъ удалось разобрать на южной сторонѣ камня слѣдующее:

подъ симъ ка
мнемъ погребено
тѣло
. . . князя . . . а

Какъ видимъ, наше чтеніе существенно разнится отъ чтенія о. Яблонева. Замѣтимъ, что на послѣдней строкѣ надписи сохранились всего лишь остатки трехъ буквъ, по которымъ возстановить что нибудь мы отказываемся. **)

*) Свѣшу выразить ему свою глубокую благодарность за любезное содѣйствіе и принести извиненіе за причиненныя хлопоты.

**) По аналогіи съ другими надписями данного времени (напр., тѣми, что сохранились на могильныхъ плитахъ дворянъ Ивинскихъ, погребенныхъ при церкви с. Ерлина), можно съ извѣстною долею вѣроятности догадываться, что въ концѣ второй и началѣ третьей стр. надписи были начертаны военныя чины умершаго (напр., генералъ—майоръ), а на концѣ третьей и на четвертой—имя, отчество и фамилія.

Если же о. Яблонева ясно прочелъ здѣсь слово „Романова“, то это можно объяснить только усиленной работой его фантазіи.

Зато при обследованіи противоположной стороны камня (сѣверной) мы оказались счастливѣе о. Яблонева. Я рѣшительно не понимаю заявленія послѣдняго о томъ, что на этой сторонѣ камня „надпись не разберешь“. Здѣсь нѣкоторыя буквы, а главное *даты*, сохранились чрезвычайно рельефно, и не прочесть ихъ могъ только тотъ, кому данное чтеніе было невыгодно. Мы разобрали здѣсь слѣдующее:

Родился въ 1724
 году . . . бря 30 дня
 скон . . . въ 1794 году ген
 варя . . дня всего житія
 его было . . . лѣтъ 7 . . .
 м

Мнѣ кажется, что какія либо комментаріи къ этой надписи рѣшительно излишни. Прибавляю только, что на западной сторонѣ камня мы нашли выпуклое изображеніе княжескаго вензеля (а отнюдь не герба), съ двумя коронами подъ балдахиномъ и буквами А. К. врѣзанными одна въ другую. Изображеніе вензеля — типичное изображеніе второй половины XVIII в. Наконецъ, на восточной сторонѣ камня помѣщается выпуклое изображеніе мертвой головы, съ двумя крестообразно сложенными подъ ней костями.

Спрашивается теперь: кто-же нашелъ себѣ вѣчное успокоеніе подъ этимъ камнемъ? Ужъ во всякомъ случаѣ не бояринъ Романовъ. Подобное заявленіе — самая нелѣпая шутка, чтобы не сказать болѣе. Очевидно, что здѣсь покойся какой то князь К*, скончавшійся въ концѣ XVIII столѣтія. Кто этотъ князь К*, сказать трудно. Въ данномъ случаѣ на помощь приходятъ рассказы

мѣстныхъ старожиловъ. По ихъ показаніямъ, въ концѣ XVIII в. чрезъ Скопинскій монастырь случайно проѣзжалъ престарѣлый князь *Крапоткинъ*, который на дорогѣ внезапно заболѣлъ, остановился въ монастырѣ, скончался и былъ похороненъ здѣсь родственниками. Очень можетъ быть, что обследованный нами камень и былъ воздвигнутъ на могилѣ этого Крапоткина. Князья Крапоткины и въ настоящее время проживаютъ въ Пронскомъ уѣздѣ—новое обстоятельство, подтверждающее нашу догадку.

Покончивши съ камнемъ, послѣдуемъ за дальнѣйшими изысканіями о. Яблонева. Я считаю излишнимъ разбирать совершенно не кстати приведенное въ началѣ 16 страницы объясненіе „мірскаго строенія“ въ смыслѣ „домовой церкви, (чьей?). Нелѣпость такого объясненія вытекаетъ съ очевидностью изъ самаго текста источника (Ср. Доброл., II, 166). Остановлюсь на разысканіяхъ автора въ древней Владимірской церкви и новомъ монастырскомъ соборѣ.

Во Владимірской церкви о. Яблонецъ отыскалъ „Живописной работы Мадонну оригиналь, вѣроятно кисти знаменитаго художника“ (стр. 16). Въ скобкахъ авторъ догадывается, что „это вѣроятно собственность бояръ Романовыхъ или даръ отъ первыхъ царей Романовыхъ“. „Мадонну“ видѣли и мы при обзрѣніи Владимірской церкви. Оригиналь это, или копія—судить специалисту. Но что она попала въ монастырь не отъ Романовыхъ, а привезена была около 30-ти лѣтъ тому назадъ изъ Рязани большимъ любителемъ старины—о. архимандритомъ Перепелкинымъ, это намъ извѣстно доподлинно. У о. Яблонева удивительная манера дѣлать смѣлые выводы изъ самыхъ обыкновенныхъ вещей, не считаясь при этомъ съ показаніями людей, его окружающихъ! Кромѣ „Мадонны“, о. Яблонецъ отыскалъ во Владимір-

ской церкви двѣ иконы „письма 15 или 16 столѣтія“, „минеи съ надписью по листамъ о выдачѣ ихъ изъ Коношеннаго Государева Приказа“, и, наконецъ, иконостасъ, „срубленный, вѣроятно, въ одинъ день—обыденный“. Все это видѣли и мы, причемъ ничего замѣчательнаго не нашли ни въ иконахъ, происхожденіе которыхъ едва ли древнѣе XVIII в., ни въ богослужебныхъ книгахъ—минеяхъ. Иконостасъ ни въ какомъ случаѣ не „обыденный“, такъ какъ онъ сдѣланъ довольно искусно, а столбы и ставки обработаны грубо лишь со стороны алтаря, невидимой для народа.

Наконецъ, въ монастырскомъ соборѣ о. Яблонева обратилъ вниманіе на икону Спасителя—„Нерукотворенный Образъ“. Онъ по обыкновенію чрезвычайно неряшливо скопировалъ надпись на лицевой сторонѣ иконы, и, вопреки обыкновенію, правильно передалъ надпись на исподней сторонѣ иконы. На той же исподней сторонѣ иконы онъ разыскалъ бумажку съ такимъ обозначеніемъ:

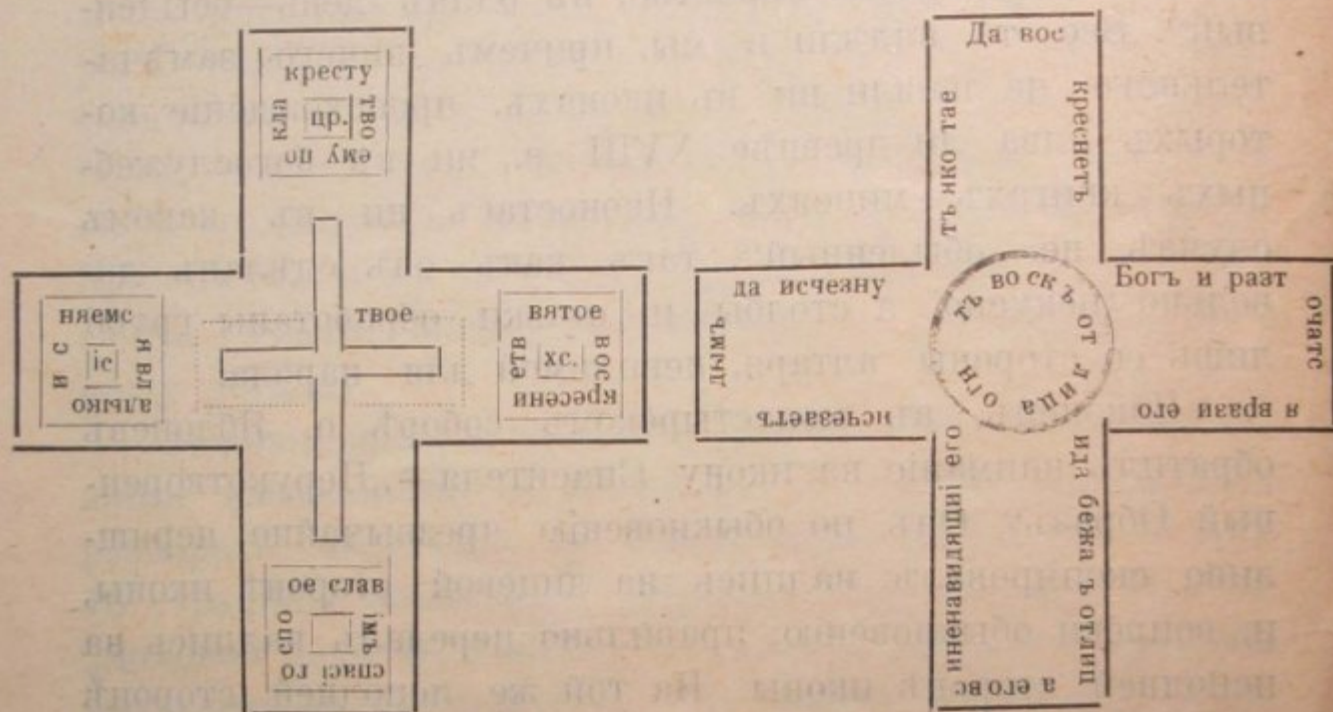
Году
Л

Я совершенно отказываюсь понимать, зачѣмъ о. Яблону понадобилось трогать эту невинную бумажку, представляющую изъ себя простой ярлычекъ, съ обозначеніемъ главы (году) и N (л) 1-го „Описи монастырскаго имущества“. Свои археологическія открытія о. Яблоневъ блистательно закончилъ изслѣдованіемъ привѣшеннаго къ иконѣ наперстнаго креста, на которомъ „подъ лупой прочелъ: „Крестъ Святѣйшаго Патріарха Киръ-Филарета“, а съ другой стороны надпись не разобралъ“ (стр. 17). Мы нѣсколько часовъ разсматривали (тоже подъ лупой) этотъ крестъ, на которомъ буквы на половину стерлись. А когда разобрали содержимое надписи, буквально не могли притти въ себя отъ изумленія передъ наклонностями нашего автора къ фантазированію. Привожу приб-

лизительное начертаніе даннаго креста (въ натуральную величину), со всѣми имѣющимися на немъ надписями ¹⁾).

Лицевая сторона.

Оборотная сторона.

Такимъ образомъ, нами не разобрано лишь нѣсколько словъ на лицевой сторонѣ креста. Очевидно, что здѣсь содержится продолженіе молитвы „Спаси Господи“. Во всякомъ случаѣ, трудно предполагать, чтобы именно здѣсь помѣщалась прочитанная о. Яблоневымъ надпись. Нашего автора ввело въ заблужденіе то обстоятельство, что онъ читалъ церковно-славянскія буквы ²⁾ „подъ титлами“, которыхъ нѣтъ и въ поминѣ. Можно догадываться, что кре онъ прочиталъ какъ *крестъ*, стутвоему—*святѣйшаго*, поі—*патріарха*, кля *киръ* и т. д.

Весь этотъ курьезный отдѣлъ авторъ заканчиваетъ безграмотнѣйшей выпиской quasi—изъ монастырскаго архива, а на самомъ дѣлѣ изъ „книги для описи монастырскаго

¹⁾ На иконѣ имѣется другой крестъ, на которомъ по русски написано: „Моши Андрея Первозваннаго“. Говорю объ этомъ во избѣжаніе какого-либо недоразумѣнія.

²⁾ Печатается здѣсь вмѣсто ц.-славянскихъ буквъ русскими по соображеніямъ техническимъ. *Ред.*

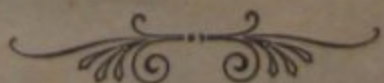
имущества“, выданной Рязанской Дух. Консистеріей отъ 15 н. 1876 г., за № 9733 (Л. 3—5).

Послѣдующее содержаніе брошюры разберемъ покороче, щадя мѣсто журнала и время читателя. Отдѣлъ 8-й *Исторія Скопинскаго собора* (стр. 19—20) скомпилированъ съ Добролюбова, причемъ (удивительное дѣло!) авторъ нѣсколько разъ ссылается на его работу, даже съ указаніемъ страницы. Зато въ послѣднемъ—9-мъ отдѣлѣ, *Исторія г. Скопина XVIII столѣтія* (стр. 20 и сл.)—новые курьезы. Все здѣсь, за исключеніемъ послѣдней полстраницы, списано съ Алексѣева, причемъ ссылка на него сдѣлана лишь однажды. Зато авторъ не разъ блещетъ ссылками на „Полное собраніе законовъ“, все время перемѣшивая статьи съ томами и искажая нумера послѣднихъ. Авторъ такъ увлекается Алексѣевымъ, написавшимъ свою книжку для Рыкова, въ качествѣ панегирика ему, что и самъ въ концѣ концовъ чуть ли не становится панегиристомъ того же Рыкова. А о крахѣ Рыковского банка—этомъ, пожалуй, наиболѣе замѣчательномъ во всей долговременной жизни Скопина событіи—нашъ Скопинскій историкъ и не обмолвился.

Сказаннаго, я полагаю, болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы судить о достоинствахъ брошюры священника Яблонева. Вся она похожа на сплошную ошибку корректора. И будетъ чрезвычайно жаль, если эта вредная и недобросовѣстная работа появится новымъ изданіемъ. Авторъ въ концѣ концовъ самъ долженъ понять, что исправить брошюрку нельзя, что ее можно только уничтожить.

Николай Граціанскій.

Казань. 12 сент. 1911 года.

новыхъ, вмѣстѣ съ г. Скопиномъ (стр. 10—11). Здѣсь опять ссылка на писцовыя книги, а въ сущности та же безцеремонная компиляція Добролюбова (II, 169, 175, 177, 179, 190—191, 192, 218, 220), безъ всякаго о немъ упоминанія. Перечисляя вотчинныя села Ивана Никитича Романова, авторъ на этотъ разъ не довольствуется постояннымъ искаженіемъ текста источниковъ. Въ своей непринужденности онъ идетъ еще далѣе. Поддѣлываясь подъ языкъ древнихъ памятниковъ, о. Яблоневъ просто на просто самъ придумываетъ тексты, которыхъ не находитъ у Добролюбова. Таковы, напримѣръ, тѣ строки его брошюры, въ которыхъ онъ говоритъ о селахъ Лопатинѣ и Недѣленкѣ. Въ концѣ концовъ, перечисливши 8 вотчинныхъ сель бояръ Романовыхъ, о. Яблоневъ заявляетъ, что „при усердномъ разслѣдованіи исторіи всѣхъ другихъ сель Скопинскаго уѣзда оказалось, что, кромѣ перечисленныхъ, еще ни одно село не входило въ вотчину Ивана Никитича Романова“ (стр. 11). Но даже и здѣсь нашъ авторъ ошибается. Если бы онъ на самомъ дѣлѣ усердно разслѣдовалъ работу Добролюбова, онъ бы замѣтилъ, что, кромѣ перечисленныхъ сель и деревень теперешняго Скопинскаго уѣзда, Ивану Никитичу Романову принадлежала деревня Чертовая (Добр. II, 260). Отдѣлъ заканчивается коротенькой выпиской изъ челобитной Рязанскаго архіепископа Аврамія Государю Петру Алексѣвичу. Выписка опять заимствована изъ Добролюбова (II, 172), причемъ самое главное въ ней хронологическая дата, когда отошли отъ архіерейскаго дома ближайшія къ г. Скопину села, почему то авторомъ опущена.

Слѣдующій отдѣлъ, по счету 5-й (стр. 11—12), носитъ такое заглавіе: *Г. Скопинъ и всѣ вотчины Ивана Никитича отошли къ Государю Михаилу Теодоровичу*. Начало этого отдѣла взято изъ Алексѣева (стр. 19), а остальное — выдержка изъ „Рязанскихъ Достопамятностей“,

заимствованная у Добролюбова (II, 163). Текст памятника по обыкновению испорченъ авторомъ да неузнаваемости. Въмѣсто „кабацкихъ доходовъ“ у него фигурируютъ „доходы казацкіе“. Богодѣльные старицы и бѣлицы, ходатайствуя о постройкѣ дѣвичь-монастыря, тутъ-же собираются его „перестроивать“ и т. п. путаница.

Почему автору понадобилось выдѣлить послѣдующія 9½ строкъ въ особый отдѣлъ, съ оглавленіемъ: *Отношеніе первыхъ царей изъ рода Романовыхъ къ своей Скопинской вотчинѣ*, для меня рѣшительно непонятно. Со словъ Алексѣева, авторъ заявляетъ здѣсь, что „какіе были указы царскіе о г. Скопинѣ, къ сожалѣнію о томъ ничего неизвѣстно“. Причина этой неизвѣстности—огромный пожаръ 1810 г., уничтожившій всѣ присутственныя мѣста г. Скопина съ ихъ архивами.

Наконецъ, мы подошли къ центральному мѣсту брошюры—*Исторія св. Духа монастыря* (стр. 13—19), какую исторію авторъ считаетъ „помѣстить здѣсь удобнымъ“. Основаніе Св. Духова, бывшаго Троицкаго, монастыря, авторъ совершенно произвольно приписываетъ Государямъ Михаилу Ѳеодоровичу или Алексѣю Михайловичу, которые, будто бы, воздвигли монастырь для того, „чтобы не оставить прахъ (?) прадедовъ своихъ (!) — бояръ Романовыхъ въ Острожкѣ Скопинѣ безъ молитвы“ (стр. 13). Далѣе слѣдуютъ обильныя выписки изъ Добролюбова, съ ссылками на рукописи и печатныя изданія, указанныя въ библіографіи послѣдняго (ср. II, 166—168). Выписки, между прочимъ, содержатъ въ себѣ указы Государей Алексѣя Михайловича, Іоанна и Петра Алексѣевичей и Императрицы Елисаветы Петровны, изъ каковыхъ указовъ авторъ видитъ постоянное благоволеніе къ монастырю Государей*. Что же касается указа отъ 1764 года объ упраздненіи Троицкаго монастыря, то о немъ, какъ противорѣчащемъ такому „благоволенію“, авторъ благора-